

В национальном разрезе

DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-6-120-137

Александр Владимирович КОРОЛЬКОВ

АО «Российские космические системы»

Авиамоторная ул., 51, Москва, 111020, Российская Федерация

korolkov_av@spacessorp.ru

Татьяна Юрьевна РУСАКОВА

Ассоциация независимых экспертов «Центр изучения кризисного общества»

Докучаев пер., 4, Москва, 107078, Российская Федерация

rusakova@centero.ru

Харизматическое лидерство как фактор власти в Венесуэле

АННОТАЦИЯ. *История человечества знает немало примеров, когда отдельные личности круто меняли ход истории стран и народов. 5 марта 2013 года ушел из жизни один из самых влиятельных политиков Латинской Америки. Однако личность Уго Чавеса до сих пор является предметом дискуссий и доминирует в венесуэльской политической повестке дня, оставляя в тени нынешнего президента Николаса Мадуро. Как это ни парадоксально, но рейтинг одобрения Чавеса даже почти через пять лет после его смерти остается на уровне 50%. Мадуро и его правительству приходится довольствоваться скромным рейтингом в 20% и обвинениями в коррупции и доведении страны до коллапса.*

Статья ставит задачу проанализировать, какие факторы способствовали возникновению феномена Уго Чавеса и какие последствия имело харизматическое лидерство для политических процессов, которые происходят в современной Венесуэле.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *популизм, харизматическое лидерство, Венесуэла, Уго Чавес*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Корольков А.В., Русакова Т.Ю. (2017). Харизматическое лидерство как фактор власти в Венесуэле. *Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 10 (6). 120-137. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-6-120-137

National Peculiarities

DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-6-120-137

Alexander V. KOROLKOV

Joint Stock Company "Russian Space Systems"
51, ul. Aviomotornaya, Moscow, Russian Federation, 111020
korolkov_av@spacecorp.ru

Tatiana Yu. RUSAKOVA

Association of Independent Experts "Center for Crisis Society Studies"
4, per. Dokuchaev, Moscow, Russian Federation, 107078
rusakova@centero.ru

Charismatic Leadership as a Factor of Power in Venezuela

ABSTRACT. *The history of mankind knows a lot of examples when individuals abruptly changed the course of the history of countries and peoples. On March 5, 2013, one of the most influential politicians of Latin America passed away. However, the identity of Hugo Chavez is still the subject of debate and dominates in the Venezuelan political agenda, leaving behind the present President Nicolas Maduro. Paradoxically, Chavez's approval rating even remains almost 50% after almost five years after his death. Maduro and his government have to be content with a modest rating of 20% and accusations of corruption and bringing the country to a collapse.*

The article sets the task to analyze the factors contributed to the emergence of the phenomenon of Hugo Chavez and the consequences of the charismatic leadership for the political processes in modern Venezuela.

KEYWORDS: *populism, charismatic leadership, Venezuela, Hugo Chavez*

FOR CITATION: *Korolkov A.V., Rusakova T. Yu. (2017). Charismatic Leadership as*

a Factor of Power in Venezuela. Outlines of global transformations: politics, economics, law, 10 (6). 120-137. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-6-120-137

Харизматическое лидерство: эволюция теории

Рассматривая феномен харизматического лидерства в Латинской Америке, невозможно не упомянуть тот теоретический багаж по проблеме политического и харизматического лидерства, который накопили социальные науки более чем за два столетия.

Изначально исследователи рассматривали феномен харизмы как неотъемлемую черту власти. Само это явление было промежуточной стадией, предвещающей институционализацию политической власти. Социолог-классик Макс Вебер, на чьи труды принято прежде всего опираться при исследовании феномена харизмы, считал, что харизма – это некое «сакральное» ощущение, на котором основывается автори-

тет лидера, и оно полностью иррационально в отличие легального господства, которое единственное из всех типов власти, выделенных Вебером, выступает эффективно рациональным. Лидерство, которое основывается на харизматическом господстве, абсолютно чуждо институциональным правилам (Вебер, 1990).

После Макса Вебера интерес к исследованию харизматического лидерства усилился, и ученые объясняли этот феномен с точки зрения различных аспектов, сформировав два научных направления – психологическое и социально-историческое. Первое сфокусировалось на психологической природе харизматического лидерства и на том, как лидера воспринимают его последователи, полагая это ключевым элементом возникновения и функционирования харизматического лидерства (Willner, 1984, p. 77-88, Navarro, 1982, p. 126-138). Были выявлены ряд индикаторов харизматического лидерства, которые объясняли «картинку» нужного восприятия у последователей. С точки зрения Э. Уиллнер, последователи лидера отождествляют его со спасителем или даже с богом, уверены в его всемогуществе и особых качествах, а также сильно связаны с ним эмоционально, например, используют объекты, которых касался лидер, в качестве реликвий, готовы пожертвовать собой во имя него (Willner, 1984, p.12).

Вторая научная школа, занимающаяся исследованием феномена харизматического лидерства, первопричиной этого явления полагает социальный и исторический контексты, впрочем, не отказываясь от фактора эмоционального восприятия и психологизма. Исследователи социально-исторической школы утверждают, что искать причины, послужившие «взлету» лидеров, необходимо в обществе, так как харизматические личности, сами являясь по

сути общественным продуктом, тонко чувствуют все общественные настроения и умело этим пользуются (Ratnam, 1964, p. 341-354).

Когда в стране царят фрустрация и социальная дезинтеграция, когда социальные институты ослаблены и по каким-то причинам не выполняют свои функции, харизматический лидер приходит на помощь, чтобы снова «собрать» общество в единое целое.

Кроме того, харизматическое лидерство – это, прежде всего, не только феномен, характеризующий определенную эпоху и фазу развития нации, но инструмент для управления массами, которые могут быть мобилизованы в контексте социального, экономического или политического кризиса (Di Tella, Germani, Ianni, 1973, p. 73; Germani, 1978, p.89). В социально-исторической школе харизматический лидер рассматривается в качестве «медиума» (Niekerk van, 1974, p. 211), который служит посредником в возникновении классового альянса для достижения неких общих целей. Фактически харизматический лидер задает новые жизненные направления социальным слоям, помогая им вновь «обрести себя», а также уменьшить уровень агрессии в обществе и повысить уровень лояльности к режиму.

Венесуэла была образцом демократии, где почти 40 лет, сменяя друг друга, правили две политические партии – АД и КОПЕИ. Двухпартийная система оказалась скомпрометирована коррупцией чиновников и политиков и потеряла свою легитимность к началу 90-х годов прошлого века. Кроме того, ее подтачивал серьезный экономический кризис, вызванный обвалом цен на нефть и огромный внешний долг. Последней каплей, забившей гвоздь в крышку гроба бипартизма, стал бунт Каракасо в 1989 году, как народный ответ на действия власти впервые с 1935

года (Ellner, 1988, p.31), и жестоко подавленный правительством. Каракасо обнажил всю неприглядную изнанку ситуации в Венесуэле – огромных масштабов социальное неравенство, исключение из политической жизни многих социальных слоев, потребность общества изменить систему. Боливарианский социализм – это последствие возникновения в свою очередь «дикого» неолиберализма в Латинской Америке и в Венесуэле, в частности. Тогдашний президент Венесуэлы Карлос Андрес Перес, пришедший на второй срок, в разгар экономического кризиса, руководствовался в своих реформах чисто экономическими мотивами в неолиберальном стиле, не учитывая при этом политические последствия. Так что в конце февраля 1989 года нереализованные ожидания и фрустрация народа вкупе с неспособностью политических партий артикулировать общественные интересы привела к серьезным народным волнениям, которые, в свою очередь, как снежный ком, потянули за собой попытку переворота 1992 года, последующий путь Чавеса к президентскому креслу уже по демократическим правилам и его оглушительный триумф на президентских выборах 1998 года.

Архетипы политической культуры как фактор возникновения харизматического лидера

Без сомнения, объясняя феномен появления и успеха харизматического лидера у масс, стоит принимать во внимание как аспекты, фокусирующиеся на личных характеристиках харизматичных политиков, так и социально-политическую обстановку, в которой формируются их личности. Однако не во всех странах наличие особенных условий, например, социально-политиче-

ского или экономического кризисов гарантирует появление харизматического лидера-популиста. Некоторые страны более склонны формировать политиков такого плана. Латинская Америка дала истории множество ярких неординарных личностей от Эвиты и Жетулио Варгаса до Рафаэля Корреа, Эво Моралеса и, разумеется, Уго Чавеса. Ответ на вопрос, каковы причины «взрывной» популярности политических деятелей, чью политику обычно характеризуют как популизм, с нашей точки зрения, необходимо искать в особенностях политической культуры Латинской Америки и Венесуэлы, в частности.

Понятие «политическая культура» имеет богатую историю, впервые его в конце XVIII века употребил немецкий философ И. Гердер (Гердер, 1977, с. 368), однако более тщательное осмысление термин получил в работе «Сравнительные политические системы» американского политолога Г. Алмонда в 50-х гг. прошлого века, и чье определение политической культуры принято считать классическим. Алмонд считает политическую культуру политической системой, усвоенной в чувствах, сознании и оценках населения (Almond, Verba, 1965, p.81). Таким образом, это есть не что иное, как набор неких типовых образцов социального поведения, которые передаются от поколения к поколению.

Такие «шаблоны» есть в каждой стране. Они непрерывно воспроизводятся в рамках исторического процесса, иногда претерпевая некоторые изменения в зависимости от социально-политического контекста. Каждая политическая культура обладает набором типичных, разнородных, иногда противоречивых характеристик, из которых складывается уникальный «культурный код» нации. В случае с Венесуэлой – ключевыми характеристика-

ми можно назвать «сплав» взглядов, характерных для государств с традиционным укладом (сакрализация своего исторического прошлого, примат государственных интересов над личными, инертность, склонность к авторитарным методам правления), с воззрениями, присущими западной цивилизации с ее гипертрофированным индивидуализмом, фокусированием на правах и свободах человека и культом потребления. Этот элемент накладывается на не всегда мирное сосуществование субкультур нации, основанных на этнических, классовых и территориальных различиях. Эту гетерогенность усиливает типичная для относительно молодых латиноамериканских государств склонность к политическому противостоянию и абсолютизации роли насилия для политической борьбы. Отсюда проистекает еще одна ключевая характеристика венесуэльской политической культуры, которую мы назвали антинормальностью из-за склонности венесуэльцев к дихотомиям вроде «демократия – авторитаризм».

Сакрализация своего исторического прошлого – это практически религиозный трепет по отношению к национальным героям Венесуэлы. Вряд ли будет кощунством утверждать, что популярность самой главной исторической фигуры для венесуэльцев, Симона Боливара, даже может посоперничать с католической церковью. Венесуэльцы воспринимают Боливара теологически, буквально обожествляя его.

Венесуэла сделала своим народным заступником Симона Боливара (Dineen, 2001). Его заслуги по освобождению стран Латинской Америки от испанского колониализма и породили культ Боливара у венесуэльцев, сделав его сакральной фигурой.

Таким образом все, что связано с Боливаром, априори сакрально, поэтому закономерно. Этим не преминул воспользо-

ваться в 20-х гг. прошлого века венесуэльский диктатор Хосе Висенте Гомес, возглавлявший страну с 1909 по 1935 гг. Именно при нем была создана теория демократического цезаризма для оправдания и легитимации диктаторских методов правления. По этой теории, народ всегда находится во власти инстинктов, по своей природе деструктивен и сам неспособен на позитивные изменения. Поэтому народ нуждается в демократическом цезаре. Он является защитником социального порядка и национального суверенитета. Такой правитель является необходимым жандармом для народа. Создатель теории демократического цезаризма Лауреано Вальенилья Ланс приводил в пример Боливара и полагал, что процветание латиноамериканских наций возможно только тогда, когда у власти находилась сильная личность (Carrera Damas, 1969, p.170). После длительной диктатуры Гомеса в Венесуэле установился стабильный демократический период, однако массы продолжали неявно желать сильную личность в качестве главы государства (Pion-Berlin, 2001, p.161).

Стремление венесуэльцев к «сильной руке» можно объяснить и историческими, и социально-психологическими факторами. Так называемый эффект «нефтяной культуры», несмотря на стремительное падение уровня цен на углеводороды в конце 80-х годов и, как следствие, резкое ухудшение уровня жизни населения, продолжал иметь определяющее значение для венесуэльцев. Став обществом потребления в «гучные» годы высоких нефтяных цен, привыкнув на выходные летать в Майами, где за привычку сорить деньгами венесуэльцы получили от местных меткую кличку «дайте два», средний и высший классы венесуэльского общества оказались в ситуации ожидания мгновенного решения всех проблем, как правило, за счет высоких нефтяных по-

ступлений, без структурных экономических реформ. Все это способствовало росту инертности и апатии в обществе. Испанский философ Х. Ортега-и-Гассет назвал такие общественные настроения диагнозом «человек-масса» (Ortega y Gasset, 1996, p.131), явлением, которое всегда характеризовало современную западную цивилизацию. Экономический крах конца 80-х годов только усугубил апатичные и безответственные настроения в обществе, и это на долгое время стало его характеристикой.

Уровень абсентеизма также демонстрировал нежелание изменений в венесуэльском обществе. По данным Национального избирательного совета Венесуэлы, начиная с выборов 1988 года этот показатель стал расти и к президентским выборам 1998 года достиг 36%¹. Однако учитывая изначальную противоречивость венесуэльской политической культуры, инертность всегда шла вровень с культурой протестов, которая, как и инертность, присуща западной цивилизации, которая берет свое начало с 90-х гг. XX века. Как свидетельствуют цифры венесуэльской НКО по правам человека за 10 лет наблюдений, которые делала организация с 1989 по 1999 гг., она фиксировала в среднем по две протестных акции за день (López Maya, 2003, p.215). Поэтому наряду с апатичными настроениями мы можем наблюдать зарождающийся процесс мобилизации и стремление к изменениям, которые возникли по причине тяжелого экономического и политического кризиса в Венесуэле.

Чавес выступал «реинкарнацией Боливара», освобождая народ от «оков неолиберализма», и это нашло живой отклик в сердцах избирателей. В таком контексте его приход к власти выглядел

как «божье провидение». Умело апеллируя к образу национального героя, Чавес вселил в общество надежду на национальное возрождение Венесуэлы.

Образ отважного подполковника-десантника, который активно эксплуатировал Уго Чавес в своей предвыборной гонке в 1998 году, был востребован избирателями и вызывал симпатии к этому необычному кандидату в президенты, которые со времен провала в 1992 г. возглавляемого Чавесом военного переворота только усилились. Несмотря на подавление путча правительством, в то время градус политического напряжения был крайне высок, недоверие населения к властям росло, и его симпатии были на стороне мятежников.

В то же время, как это ни парадоксально, граждане Венесуэлы, однозначно позитивно относившиеся к мятежным офицерам, считали демократию наиболее предпочтительной формой правления для страны. Как показали цифры исследовательского агентства «Латинобарометро», за демократию высказывались от 60 до 64% населения Венесуэлы. При этом необходимо подчеркнуть тот факт, что венесуэльцы в некоторых случаях не отвергали и возможность авторитарного правления, считая, что иногда такой режим может быть предпочтительнее демократического, хотя эти цифры и гораздо меньше, чем сторонников демократического правления – около 24% (Murillo, 2005, p. 120). Все это дает основания утверждать, что венесуэльская политическая культура представляет собой подобие «лоскутного одеяла», где причудливым образом смешиваются составляющие традиционного и современного общества. Это, в свою очередь, ведет к вре-

1 Elecciones presidenciales. Cuadro comparativo (1958-2000). URL: <http://www.cne.gov.ve/web/documentos/estadisticas/e006.pdf> (Accessed: 28.11.2017).

менами неразрешимым политическим противоречиям, расколу общества и дальнейшему нарастанию социально-политического напряжения.

Следует заметить, что не в последнюю очередь на такую ситуацию влияет еще один важный элемент венесуэльской политической культуры – наличие множества субкультур в рамках единой доминирующей. Современная народная венесуэльская культура – это результат смешения трех культур: индейской, африканской и испанской, которые встретились друг с другом в начале процесса колонизации Америки. В XIX веке на территорию страны эмигрировали немцы, французы и итальянцы, а в XX веке с развитием нефтяной промышленности пришли и американцы. В период гражданской войны в Испании в Венесуэлу прибыла вторая волна эмигрантов из европейских стран. Все эти этнические группы и сформировали современную венесуэльскую культуру.

Несмотря высокий уровень ассимиляции, есть индивиды и целые социальные и этнические группы, ценности которых не успели окончательно встроиться в единый «плавильный котел» доминирующей культуры. С учетом такого многообразия существующие субкультуры нередко конфликтуют между собой, особенно во времена кризисных ситуаций в стране.

В качестве господствующих элементов политической культуры Венесуэлы в этой связи нельзя не упомянуть о такой ее черте как склонность к конфликтам и конфронтации, не только в повседневной, но и в политической жизни. Российский исследователь Сергей Семенов считает, что «абсолютизация роли насилия в политической жизни присуща всей культуре Латинской Америки на протяжении ее существования» (Семенов, 1999, с.51), что объясняется длительным историческим пе-

риодом нестабильности, существованием диктатур и, как следствие, наличием политического насилия. Венесуэла здесь не является исключением. По мнению венесуэльского исследователя Альберто Грусона, за всю свою историю Венесуэла пережила несколько временных периодов виоленсии (Gruson, 2004, p.67). С 70-х годов XIX века виоленсия постепенно усиливалась, а ее пик пришелся на народное восстание Каракасо в 1989 году и продолжал расти еще последующие десять лет, выражаясь в резком увеличении совершенных в стране преступлений и закреплении виоленсии практически на всех институциональных уровнях.

Толерантность к насилию и его восприятие как самого надежного инструмента для решения всех проблем протекает, прежде всего, не только из политической сферы. Виоленсия затрагивает и социальные отношения, что, в свою очередь, напрямую влияет на характер венесуэльской политической культуры. Под термином «насилие» здесь понимаются не только и не столько уголовные преступления. Насилие в Венесуэле – это некий социальный паттерн, который закреплён на институциональном уровне, и поэтому одобряем всеми – от политиков до обычных граждан. Насилие применяется к конкретным личностям, к предприятиям, к экономике в целом, к политическим акторам. Во времена правления диктатора Х.В. Гомеса власти применяли жестокое насилие к несогласным, чтобы защитить свой политический режим. Пребывание у власти М. Переса Хименеса, который был свергнут путем переворота в 1958 году, так же отмечилось нарушениями прав человека и кровавыми репрессиями. Полиция ликвидировала оппозиционеров, обладая на то специальными полномочиями. По некоторым данным таким образом устранили 300 человек (Rico, 1998, p.114). Раскрутившийся маховик

политического насилия не удалось остановить даже тогда, когда к власти пришло демократическое правительство, и в Венесуэле установилась двухпартийная система. На улицах страны по-прежнему случались манифестации, которые жестко пресекала полиция, с многочисленными ранеными и убитыми.

Апогей насилия пришелся на конец 80-х гг. Жестокое столкновение правительства и граждан Венесуэлы в 1989 году было вызвано как серьезным кризисом государственных институтов, так и экономическим кризисом. Все это привело к утрате социальных связей, потере чувства безопасности, а также к желанию восстановить социальную справедливость. Экономический кризис усилил социальное расслоение, которое временно было замаскировано благополучием нефтяного бума 70-х годов, и окончательно разрушил хрупкое перемирие социальных классов в Венесуэле. Страну захлестнула новая волна преступности. Всего за два года (с 1992 до 1994) число убийств в абсолютном выражении выросло вдвое² и составило 22 человека на сто тысяч (Londoño, Gaviria, Guerrero, 2000. p. 263). Разрушалась двухпартийная система власти под гнетом коррупции и плачевного состояния экономики. После неудавшегося переворота с участием венесуэльских офицеров государство перестало обладать монополией на законное насилие. Образовался властный вакуум. Другие институты, например церковь, не имели сильного влияния на поведение людей. В 1998 году в Венесуэле по данным венесуэльской НКО Observatorio de violencia, было совершено 4,5 тыс. убийств³. Насилие прочно внедрилось в повседневный быт граждан Венесуэ-

лы. Кризис государства и власти проискал из-за отрицания их авторитета в их существующей конфигурации.

На фоне стремления восстановить социальную справедливость и жажды кардинальных изменений политической системы Чавес выступал как бунтарь и реформатор. В то же время, учитывая тот факт, что он был военным, он подспудно воспринимался как «сильная личность», обещающая решение существующих проблем «твердой рукой», что усилило его позиции среди избирателей, которые разочаровались в старой властной системе. Кроме того, именно потому что Чавес был военным, его в венесуэльском обществе изначально считали «своим». В Венесуэле армия всегда рассматривалась как инструмент социальной мобильности, и в отличие от других военных институтов в Латинской Америке венесуэльская армия всегда имела в себе сильную «народную» компоненту. Большинство офицеров, которые служили в венесуэльских ВС, имели скромное социальное происхождение и надеялись с помощью службы в армии потом занять достойное место в жизни и иметь определенную власть. Поэтому армия и гражданское общество в Венесуэле имели сильную связь.

Нельзя не сказать и о доминирующем в культуре Венесуэлы (как впрочем и во всех остальных странах Латинской Америки) феномене так называемого «мачизма», оказывающем сильное влияние и на политическую культуру. В венесуэльском обществе бытует стереотип об «идеальном мужчине», «мачо», который бескомпромиссен, иногда жесток, его не пугает открытый конфликт. В глазах других он выглядит бесстраш-

2 В 80-е гг. на каждые 100 тыс. чел приходилось 10 убийств.

3 Briceño-León R. Violence in Venezuela oil rent and political crisis. 2007. URL: http://www.scielo.br/scielo.php?script=sci_arttext&id=S1413-81232006000200010 (Accessed: 19.11.2017).

ным защитником и храбрым воином. Картинка такой мужественности настолько прочно закрепилась в венесуэльском обществе, что мальчиков еще с детства приучают соответствовать «правильным» общественным ожиданиям. Драки между мальчиками поощрялись матерями (Gruson, 2004, p.107). Доходило до того, что матери сами приводили своих сыновей к сопернику домой, чтобы после спровоцированной драки дети сумели доказать, что они «мачо». Помимо общественных установок мужественность также поддерживается на институциональном уровне, например, в армии, что логично для этого государственного института. Кроме того, армия как государственный институт – едва ли не единственный, который обладает относительной стабильностью даже в кризис и при политических изменениях, будучи консервативным по своей природе. Консерватизм военных воспринимается обществом как единственный институт, который в состоянии обеспечить закон и порядок, даже если все остальные государственные институты не работают. Такое видение общественного сознания по отношению к армии также способствовало увеличению рейтинга Уго Чавеса в канун президентских выборов и в итоге привело его к победе.

Высокая конфликтность венесуэльского общества и его политической культуры, сочетание в ней противоречивых и даже взаимоисключающих элементов характеризуют ее антиномичность и цикличность. Ключевая антиномия венесуэльской политической культуры – «демократия – авторитаризм», «насилие – мир», которая в зависимости от исторических обстоятельств и социально-политических факторов преобладает одна из категорий, вторая же является второстепенной и формирует циклы. Самый яркий пример – венесуэльское партизанское

движение 60-х годов и вышедшая из него левая политическая партия «Движение к социализму» (Movimiento a socialismo, MAS). Несмотря на то, что партизанское движение было подавлено венесуэльскими вооруженными силами, фактор силы – не единственный, который поспособствовал поражению герильи. Прекращению вооруженного конфликта способствовала благоприятная экономическая ситуация, а также политика государства, которое, используя доходы от нефтяного экспорта, осуществило социальные и аграрные реформы, начав давать населению кредиты на покупку земель, построив школы и больницы, а также разработав жилищные программы для населения. Все это в конечном итоге способствовало повышению уровня жизни сельского населения, и стало очевидно, что на конкретном историческом этапе попытка решать проблемы насильственным путем провалилась, и бывшие партизаны предпочли демократический путь интеграции в политическую жизнь страны. Экс-герильерос создали свою собственную партию, участвовали в выборах без каких-либо препятствий со стороны государственной власти, и смогли окончательно встроиться в легальную демократическую повестку политической жизни Венесуэлы, переродив таким образом все левое движение и поспособствовав мирному завершению конфликта. MAS отказалась от радикального социализма и превратилась в умеренно-консервативную партию, руководствуясь в своей политической деятельности прагматическими мотивами и демонстрируя политическую гибкость. По мнению венесуэльского общественного деятеля Ф. Муньоса, в случае с MAS впервые в истории нации социализм был инкорпорирован в политическую культуру (Ellner, 1988, p. 149).

Метаморфозы, которые произошли с венесуэльским левым движением, показывают смену «революционного» цикла развития страны на консервативный. Установившаяся двухпартийная политическая система, где партии имели минимальные идеологические различия, ознаменовала довольно длительный период политической стабильности. Этому способствовали стремление партийных лидеров «сглаживать углы» в риторике, структура социальной базы партий, где в основном преобладал средний класс, а не маргиналы, а также институционализация партий, которые были тесно связаны с профсоюзами и иными политическими структурами.

Однако после того, как в 80-х годах прошлого века разразился экономический и социально-политический кризис, радикальный цикл политического развития снова восстановил свои позиции. Произошел раскол общества: росло классовое расслоение, усилилась социальная поляризация, резко вырос неформальный сектор в экономике. Венесуэльское общество разочаровалось в демократическом режиме правления, снова стала доминировать идея «сильной руки», усилились патерналистские установки. Эти факторы в конечном итоге и поспособствовали появлению яркого харизматического лидера, популиста, который опирался в своей политической деятельности на «разочарованный демократией» электорат.

Дуализм венесуэльской политической культуры, склонной в разное время и к демократическому плюрализму, и в то же время к авторитаризму (Crisp, 2000, p.18), отличает ее от политической культуры западных демократий. В то же время есть ученые, которые считают, что подъем демократических настроений и сорокалетняя политическая стабильность были лишь временными эпизодами, которые в целом

не подорвали авторитарную традицию венесуэльской политической культуры (Wiarda, MacLeish Mott, 2003, p.19). Тем не менее целесообразно говорить о ней как о цикличной, противоречивой, гетерогенной и конфликтной. В странах, где доминирует такой тип политической культуры, более вероятно появление и длительное пребывание у власти харизматических лидеров.

Конструирование популистского дискурса

В поисках ответа на вопрос о том, как стало возможным появление такого политика, как Уго Чавес, нельзя не остановиться на проблеме формирования нового дискурса, в том смысле, как его понимает аргентинский исследователь Эрнесто Лакло. Дискурс выступает здесь как особая область, в которой создаются значения и смыслы. Любой объект, который попадает в социальное поле, обретает свое значение лишь благодаря конфигурации поля дискурса, который и наполняет смыслом тот или иной объект (Laclau, 2006, p.15).

В частности, дискурс как совокупность языковых практик формирует особое поле, где действует актор и создается общественно-политическая реальность. Различные дискурсы соперничают и могут сменять друг друга в зависимости от ситуации. Будучи жестко ритуализированным и имеющий дискриминационную природу, властный политический дискурс изначально ограничивает число индивидов, включенных в него. Некоторые индивиды могут быть отлучены от властного дискурса на том основании, что их дискурсивные практики рассматриваются в качестве «ложных» (Фуко, 1996, с. 55). Именно это и произошло с венесуэльскими партиями Демократическое действие (Acción Democrática,

AD) и Партией христианских демократов (Comité de Organización Política Electoral Independiente, COPEI), которые безраздельно господствовали в политике Венесуэлы четыре десятилетия. Их дискурсы во время президентской гонки и после прихода Уго Чавеса в президентский дворец однозначно обозначались Чавесом ложными⁴.

Политический дискурс У. Чавеса как политическая практика охватывает всю историю Венесуэлы – от провозглашения независимости и до конца 20 века. Чавес «переработал» историю Венесуэлы, характерными чертами которой стали ориентация на революцию и такие ценности, как национализм, образование, создание новой конституции и нового общества. В итоге это вылилось в боливарианский проект и образ «спасителя нации». Та борьба, которую вел Чавес в дискурсивном поле, по сути, продолжение войны Венесуэлы за независимость. Внешняя политика, которую проводила Венесуэла во время его президентства, это подтверждает. Особое внимание он уделял интеграционным процессам в регионе, которые не ограничивались созданием торговых альянсов со странами Латинской Америки (прежде всего речь идет о вхождении в МЕРКОСУР). Чавес стремился создать абсолютно новую систему региональной интеграции, которая строилась бы не на «капиталистических основах», а была бы «чем-то глобальным», сочетала бы в себе элементы государственной экономики и партиципаторной демократии и носила антиамериканистский характер. Воплощая эти идеи в интеграционном блоке под названием Боливарианский альянс для

народов нашей Америки (ALBA), Чавес говорил, что «Латинская Америка начала меняться.., умирает эпоха и ей на смену приходит новая»⁵.

«Освободительный» и «революционный» дискурс Чавеса описывается концепцией, которую сам он называл «Дерево с тремя корнями». Символическими «корнями» этого дерева были три национальных героя Венесуэлы. Симон Боливар олицетворял свободу и независимость, его учитель Симон Родригес – интеграционную модель объединения Америк, а народный герой Эсекиэль Самора воплощал борьбу низших слоев венесуэльского общества против олигархии (Chávez, 1992, p. 22).

Рассматривая поля политического дискурса Венесуэлы 1999-2012 гг., мы полагаем важным остановиться на лингвистических инструментах его конструирования, прежде всего, на применении Уго Чавесом особенных лексических приемов и широкого использования в своей риторике ярких эпитетов, метафор, оксюморонов и т. д.

При общении со своим электоратом Чавес, описывая какую-то ситуацию или объект, умело оперирует рядом символов, чтобы закрепить в сознании слушателя желаемый образ (Méndez, 2004, p.156). Так, овца у Чавеса – олицетворения трусости и нерешительности, меч – символ непримиримой борьбы со старым политическим укладом, сердце – как символ любви к народу и стране. Риторика Чавеса, лишенная абстракций и оттого понятная всем, яркая, высокохудожественная, образная, – уникальна и неповторима. В ней – ключ к пониманию того успеха, которого венесуэльский президент добился при про-

4 Chávez Frías H. Discurso de toma de posesion 02.02.1999. URL: <http://vtv.gob.ve/especial-comandante-chavez-jura-ante-la-moribunda-constitucion-de-1961-para-refundar-la-republica/> (Accessed: 15.09.2017).

5 Hugo Chávez, motor de la integración latinoamericana y caribeña. URL: <https://www.telesurtv.net/multimedia/Hugo-Chavez-motor-de-la-integracion-latinoamericana-y-caribena-20150724-0057.html> (Accessed: 18.09.2017).

движении своих политических идей и консолидации своего режима, напрямую взаимодействуя со своей социальной базой. Важнейший элемент дискурса Уго Чавеса – способность к «отзеркаливанию» и убеждению электората, в том, что он «один из них», человек из народа. Такой эффект достигается риторикой, специально адресованной социальным слоям, которые поддерживают президента (NarvaJa Arnoyx, 2008, p. 18).

Лингвистический арсенал Чавеса – это также использование гипербола, отсылка на речи Боливара, тексты из Библии, упоминание Христа и Бога: «Дай мне свой терновый венец, Христе, дай мне его, чтобы я кровоточил, дай мне свой крест, сотню крестов, и я понесу их вместо Тебя. Но дай мне жизнь, чтобы я мог работать для моего народа и моей страны. Не забирай меня пока»⁶. «Скорее верблюд пройдет сквозь игольное ушко, чем оппозиция выигрывает выборы у Чавеса»⁷. Довольно часто в его риторику вплетается и теология освобождения, если вспомнить, что Чавес называл Иисуса Христа величайшим социалистом в истории⁸.

Не менее активно используется Чавесом и спортивная лексика. В молодости Чавес планировал стать профессиональным игроком в бейсбол. Бейсбол любим многими венесуэльцами и даже считается национальным видом спорта, поэтому в речах Чавеса так часто можно встретить специфическую терминологию, использующуюся бейсболистами: «Когда я играл в бейсбол, са-

мые сильные удары я наносил всегда по направлению к правой линии. Сейчас, на поле боя в политике и за революцию, эти строки, которые я начинаю писать сегодня, будут направлены во все стороны с одинаковой силой»⁹.

Профессия Чавеса также наложила отпечаток на его манеру общения. В речах и обращениях Чавеса всегда присутствует военная лексика и рефрен борьбы: «Я, по своей сути, солдат... Все те обстоятельства, которые были в моей жизни, превратили меня в солдата революции»¹⁰. «Мы должны давать бой в повседневной борьбе против капиталистических ценностей»¹¹.

Некоторые венесуэльские исследователи, анализируя нарративную структуру высказываний Чавеса, выделяют сформировавшееся концептуальное трио: герой, то есть сам Чавес, жертва – народ и антиподы героя – оппозиционеры, старая политическая система (Krauze, 2008, p. 167).

Главная цель такой риторики – дискредитация и отчуждение легитимности своих предшественников. С помощью риторических приемов, свойственных всем харизматическим лидерам, которые умеют общаться с аудиторией, Чавес добивается от своих сторонников моментальной эмоциональной реакции на свои речи, причем, стоит отметить, реакций поляризованных, крайне позитивных или негативных, без «золотой середины».

По мнению Чавеса, Венесуэла, которая во времена пребывания у власти КОПЕЙ и АД, «страдала гангре-

6 Chávez: Cristo, dame vida porque todavía me quedan cosas que hacer. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=wsCL11SNpnw> (Accessed: 17.10.2017).

7 Chávez dice que antes pasa un burro por una aguja que el pierde unos comicios. URL: <http://www.eltiempo.com.ec/noticias/mundo/5/272294/chavez-dice-que-antes-pasa-un-burro-por-una-aguja-que-el-pierde-unos-comicios> (Accessed: 28.11.2017).

8 Cristo el más grande socialista de la historia URL: <https://www.infobae.com/2007/01/10/295925-cristo-el-mas-grande-socialista-la-historia/> (Accessed: 28.11.2017).

9 Las líneas de Chavez. URL: <http://mppic.gob.ve/wp-content/uploads/2016/12/LINEAS-DE-CHAVEZ-1.pdf> (Accessed: 30.09.2017)

10 Ibidem.

11 Primer Encuentro Nacional de Cajas Rurales 2006. Ministerio de Comunicación e Información. Caracas. 2006. P. 40.

ной», а ее политическое устройство было «агонизирующей, умирающей системой и не имело никаких шансов на выздоровление». Политический курс АД и КОПЕИ – это «корабль без капитана», «корабль, терпящий крушение». Даже венесуэльская конституция, с точки зрения нового президента, была «умирающей», о чем он и заявил, когда присягал на конституции в феврале 1999 года¹². Причиной этой умирающей конституции послужили традиционные демократические партии АД и КОПЕИ – политические соперники Чавеса. Их долгое правление страной, как утверждал Уго Чавес, привело к небывалому размаху коррупции и ослаблению институтов власти¹³.

Дискурс делегитимации власти соперников Чавеса плавно переходит к предложению единственно верного решения, способного покончить с острым политическим кризисом в стране. Оно, по мнению Чавеса, состоит в созыве Национальной Конституционной Ассамблеи (НКА). Учреждение НКА – это стремление создать «с нуля» все институты власти в стране, тем самым кардинально изменив существовавшую в Венесуэле политическую систему. Ее создание – это намерение Чавеса перекроить всю политическую систему Венесуэлы и создать совершенно новые, чистые властные институты. Во время президентской компании именно многочисленные высказывания о возможности созыва такого органа были основой дискурса Чавеса. Он подготовил почву для последующих радикальных изменений и дал понять обществу, что сам выступает как агент властной реконструкции и несет рождение новой политической системы, которая навсег-

да изменит существующую Венесуэлу в интересах народа.

Венесуэльские медиа-войны

Уго Чавес, как любой другой современный популистский лидер, использовал средства массовой информации как возможность поддерживать прямой контакт со своими избирателями, принимая на себя функции государственных институтов и в каком-то смысле заменяя их. Это «президент-медиа», который осуществляет свою политическую деятельность, не используя между собой и народом никаких посредников. Его политика крайне персонализирована. Начало такому общению было положено еще в 1992 году, в день неудавшегося государственного переворота, когда Чавесу, тогда еще неизвестному подполковнику, руководившему путчем, был предоставлен 30-секундный эфир. Именно в том коротком телеэфире Чавес проявил «магию» общения с низшими и средними классами венесуэльского общества.

Когда Чавес пришел к власти в 1999 году, на медиарынке Венесуэлы преобладали частные средства массовой информации. В руках правительства было всего два телеканала и одно новостное агентство с ограниченной аудиторией. Попытка госпереворота в 2002 году изменила этот расклад. Чавес не мог простить частным СМИ их информационное молчание и трансляцию мультфильмов в дни переворота. Чавес пришел к выводу, что нужно не только взять существующие медиа под контроль, но и создать альтернативные.

12 Chávez Frias H. Discurso de toma de posesion 02.02.1999. URL: <http://vtv.gob.ve/especial-comandante-chavez-jura-ante-la-moribunda-constitucion-de-1961-para-refundar-la-republica/> (Accessed: 15.09.2017).

13 Ibid.

Президент начал «кампанию» наступления на частные СМИ и приступил к созданию собственных для контроля над своей социальной базой. Большое внимание тогда государство уделяло финансированию, запуску и использованию новых средств коммуникации – например, запустив в космос телекоммуникационный спутник «Симон Боливар – ВЕНЕСАТ-1» в 2008 году с целью обеспечить доступ гражданам к информации. В 2009 году стала выходить правительственная газета «Коррео дель Ориноко», которая по сути была перезапуском газеты, основанной Боливаром в 1818 году. Запустилась радиопередача «Внезапный Чавес» на государственных радиостанциях, набирала обороты программа «Ало, Президенте», где Чавес каждую неделю отвечал на вопросы граждан, исполнял их просьбы, отчитывался перед электоратом, раздавал поручения членам правительства, пел, читал стихи собственного сочинения и клеймил США. В 2005 году открылся телеканал ТелеСур как альтернатива западным телеканалам, в 2009 году начали вещание сразу несколько радиостанций «боливарианской» направленности. Чавес сам стал СМИ, заведя аккаунт в Твиттере, который мог похвастаться несколькими миллионами подписчиков. Он активно добывал себе «монополию» на общение с народом, вытесняя из этой сферы частные средства массовой информации, причем порой весьма репрессивными методами. Принятие закона о СМИ в 2004 году дало Чавесу большой контроль над существующими средствами массовой информации. Суть за-

кона, который был принят большинством в Национальной Ассамблее, заключался в том числе в запрете для СМИ до 11 вечера распространять в эфире кадры, содержавшие насилие или сексуального характера (в интересах детей), или тех, которые «подстрекают к нарушению общественного порядка». В декабре 2010 действие этого закона распространилось и на Интернет. Правительство могло просить провайдеров о блокировке сайтов, которые нарушали закон. Кроме того, Закон о социальной ответственности радио и телевидения обязывает все СМИ транслировать каждый день до 15 минут специальных объявлений правительства пропагандистского характера – «каден» (тематика может быть разной: от объявления экономических достижений правительства до коротких образовательных и культурных программ)¹⁴. Неповиновение грозит СМИ отзывом лицензии на вещание.

Такой инструмент в руках правительства давал ощутимые преимущества перед оппозицией, которая не могла широко транслировать свою политическую повестку. В частности, это превратилось в своего рода административный ресурс и помогало Чавесу в избирательных кампаниях (в том числе и в последней президентской).

По данным неправительственной организации «Гражданский мониторинг», только за 2012 год Чавес использовал кадены 145 часов. Причем 13 января этого же года, он установил своеобразный рекорд, пробыв в эфире своей передачи, несмотря на болезнь, 9 часов 49 минут¹⁵.

14 Ley de Responsabilidad Social en Radio Television y Medios Electrónicos. Artículo 10. URL: <http://www.cne.gov.ve/web/documentos/estadisticas/e006.pdf> (Accessed: 10.10.2017).

15 Monitoreo ciudadano. Caden-o-metro. URL: <http://www.cne.gov.ve/web/documentos/estadisticas/e006.pdf> (Accessed: 10.10.2017).

Харизма: жизнь после смерти (вместо заключения)

Еще в 1999 году известный американский писатель Пол Берман после беседы с Чавесом сказал, что тот «радиоактивен и у него раз в 10 больше энергии, чем у нормальных людей... Такие люди не ощущают себя человеческими существами, а ощущают себя богами» (Krauze, 2008, p. 10). Очевидно, что появление на венесуэльской политической сцене политиков масштаба Уго Чавеса в обозримом будущем маловероятно.

Николас Мадуро, наследник Уго Чавеса, пытается копировать политику своего предшественника. Например, так же, как Чавес в 1999 году, Мадуро в июле 2017 организовал выборы в Национальную конституционную ассамблею, чтобы внести поправки в основной документ страны. Тем не менее однако политический капитал «чавизма» ощутимо уменьшается, оставив ослабленное ядро ПСУВ, чавистов-диссидентов и народное недовольство. Чавес контролировал свое движение и своих сторонников. Сейчас чавизм очень ослаблен, так как, безусловно, популярность Чавеса как политика была ощутимо выше, чем Мадуро.

Социолог Иммануил Валлерстайн предположил, что последователи Чавеса постараются продолжать его политику, институционализируя ее¹⁷. Однако на наш взгляд здесь можно говорить о сакрализации. Мадуро, не обладая той энергией, харизмой и человеческим обаянием, которые были у Чавеса, пытается сакрализировать его, чтобы использовать политический капи-

тал Чавеса, как тот использовал образ Боливара.

Неуклюжие попытки Мадуро после смерти Чавеса позиционировать себя как продолжателя идей социализма 21 века, а соответственно, и очередного «воплощения Боливара», провалились. Высказывания Мадуро о том, что Чавес якобы являлся ему в образе птички, чтобы дать совет или напутствие, вызывали смех и недоумение даже у самых заядлых чавистов, не говоря уж об оппозиции. Все это пошатнуло позиции нового венесуэльского президента, который остро нуждался в дополнительной легитимизации своего правления, а Боливар, как и другие национальные герои, вроде Эсекиэля Саморы, по-прежнему упрямо продолжали ассоциироваться общественностью с Чавесом и его социалистическими преобразованиями, которые проводились в стране в то время, когда еще кризис не достиг своего апогея.

Спустя два года после смерти Чавеса Мадуро нашел рецепт своего политического позиционирования, обратившись к образу Сталина, который выступает как фигура сильного и жесткого правителя, практически «советского демократического цезаря». На фоне деградирующего боливарианского проекта, который не в силах справиться со множеством проблем (инфляция, преступность, дефицит и т.п.), очевидно, что подобные отсылки к «сильным личностям» провоцируют новые витки «венесуэлофобии» в мире, усиливают поляризацию и пауперизацию внутри венесуэльского общества, что в дальнейшем может спровоцировать социальный взрыв.

16 Chávez, su legado y la guerra de símbolos. URL: <http://www.jornada.unam.mx/2013/04/01/opinion/017a1pol>. (Accessed: 30.11.2017).

17 Maduro: «Stalin se parecía a mí, el bigote es igualito». URL: <https://elcomercio.pe/mundo/latinoamerica/maduro-stalin-parecia-mi-bigote-igualito-342429> (Accessed: 30.11.2017).

Список литературы

- Вебер М. (1990). Политика как призвание и профессия. *Избранные произведения*. М.: Прогресс. 643-706.
- Гердер И. (1977). *Идеи к философии истории человечества*. М.: Наука. 703.
- Семенов С.И. (1999). Мутации левой политической культуры в цивилизационном контексте Латинской Америки. *Аналитические тетради ИЛА РАН*. Выпуск 6. М.: ИЛА РАН. 96.
- Фуко М. (1996). *Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности*. М.: Касталь. 448.
- Almond G., Verba S. (1965). *The Civic Culture. Political Attitudes and Democracy in five Nations*. Boston, MA: Little, Brown and Co. 562.
- Carrera Damas G. (1969). *El culto a Bolívar*. Caracas: UCV. 303.
- Chávez H. (1992). *Un brazalete tricolor*. Valencia. 73.
- Crisp B. (2000). *Democratic Institutional design: the powers and incentives of Venezuelan politicians and interest groups*. Stanford: Stanford University Press. 273.
- Di Tella T., Germani G., Ianni O. (1973). *Populismo y Contradicciones de Clase en Latinoamérica*. México: Popular Era. 149.
- Dineen M. (2001). *Culture and customs of Venezuela*. New Jersey: Greenwood. 216.
- Ellner S. (1988). *Venezuela's movimiento al socialismo: from guerrilla defeat to innovative politics*. Durham: Duke University Press Books. 279.
- Ellner S., Helinger D. (eds.). (2003). *Venezuelan Politics in the Chávez Era: Class, Polarization, and Conflict*. Boulder: Lynne Rienner Publishers. 259.
- Germani G. (1978). *Authoritarianism, Fascism, and National Populism*. New Jersey: Transaction Books. 292.
- Gruson A. (ed.). (2004). *Una lectura sociológica de Venezuela actual*. Caracas. 140.
- Krauze E. (2008). *El poder y el delirio*. México: Tusquets Editores. 373.
- Laclau E. (2006). *La razón populista*. México: Fondo de Cultura Económica. 312.
- Londoño J., Gaviria A., Guerrero R. (ed.). (2000). *Asalto al desarrollo: violencia en America Latina*. Washington: BID. 291.
- López Maya M. (2003). Movilización, institucionalidad y legitimidad en Venezuela. (2003). *Revista Venezolana de Economía y Ciencias Sociales*, 9 (1). 211-226.
- Méndez A. (2004). *Democracia y discurso político: Caldera, Pérez y Chávez*. Caracas: Monte Avila Editores Latinoamericana. 190.
- Murillo M. V. (2005). *Sindicalismo, coaliciones partidarias y reformas de mercado en América Latina*. México: Siglo XXI Editores. 318.
- Narvaja Arnoux E. (2008). *El discurso latinoamericanista de Hugo Chávez*. Buenos Aires: Editorial Biblos. 173.
- Navarro M. (1982). *Evita's Charismatic Leadership*. Conniff M. (ed.). *Latin American Populism in Comparative Perspective*. Albuquerque: University of New Mexico Press. 126-138.
- Niekerk van A.E. (1974). *Populism and Political Development in Latin America*. Rotterdam: Universitaire Pers Rotterdam. 230.
- Ortega y Gasset J. (1996). *La rebelión de las masas*. Santiago de Chile. 287.
- Pion-Berlin D. (ed.). (2001). *Civil-Military relations in Latin America: new analytical perspective*. Chapel Hill: University of North Carolina Press. 320.
- Ratnam K. J. (1964). Charisma and political leadership. *Political Studies*, 12 (3). 341-354. DOI: 10.1111/j.1467-9248.1964.tb00732.x
- Rico J. M. (1998). *Crimen y justicia en América Latina*. México: Siglo XXI Editores. 317.
- Wiarda H., MacLeish Mott M. (2003). *Politics and social change in Latin America: still a distinct tradition?* London: Praeger. 309.

Willner A. (1984). *The Spellbinders: Charismatic Political Leadership*. New Heaven: Yale University Press. 212.

Willner A., Willner D. (1965). The Rise and Role of Charismatic Leaders. *The Annals of American Academy of Political Science*, (358). 77-88. DOI:10.1177/000271626535800109

References

Almond G., Verba S. (1965). *The Civic Culture. Political Attitudes and Democracy in five Nations*. Boston, MA: Little, Brown and Co. 562.

Carrera Damas G. (1969). *El culto a Bolívar*. Caracas: UCV. 303.

Chávez H. (1992). *Un brazalete tricolor*. Valencia. 73.

Crisp B. (2000). *Democratic Institutional design: the powers and incentives of Venezuelan politicians and interest groups*. Stanford: Stanford University Press. 273.

Di Tella T., Germani G., Ianni O. (1973). *Populismo y Contradicciones de Clase en Latinoamérica*. México: Popular Era. 149.

Dineen M. (2001). *Culture and customs of Venezuela*. New Jersey: Greenwood. 216.

Ellner S. (1988). *Venezuela's movimien-to al socialismo: from guerrilla defeat to innovative politics*. Durham: Duke University Press Books. 279.

Ellner S., Helinger D. (eds.). (2003). *Venezuelan Politics in the Chávez Era: Class, Polarization, and Conflict*. Boulder: Lynne Rienner Publishers. 259.

Foucault M. M. (1996). *The Will to Truth: Beyond Knowledge, Power and Sexuality*. Moskva: Kastal'. 448.

Gerder I. (1977). *Ideas to the philosophy of the history of mankind*. Moskva: Nauka. 703.

Germani G. (1978). *Authoritarianism, Fascism, and National Populism*. New Jersey: Transaction Books. 292.

Gruson A. (ed.). (2004). *Una lectura sociológica de Venezuela actual*. Caracas. 140.

Krauze E. (2008). *El poder y el delirio*. México: Tusquets Editores. 373.

Laclau E. (2006). *La razón populista*. México: Fondo de Cultura Económica. 312.

Londoño J., Gaviria A. , Guerrero R. (ed.). (2000). *Asalto al desarrollo: violencia en America Latina*. Washington: BID. 291.

López Maya M. (2003). Movilización, institucionalidad y legitimidad en Venezuela. (2003). *Revista Venezolana de Economía y Ciencias Sociales*, 9 (1). 211-226.

Méndez A. (2004). *Democracia y discurso político: Caldera, Pérez y Chávez*. Caracas: Monte Avila Editores Latinoamericana. 190.

Murillo M. V. (2005). *Sindicalismo, coaliciones partidarias y reformas de mercado en América Latina*. México: Siglo XXI Editores. 318.

Narvaja Arnoux E. (2008). *El discurso latinoamericanista de Hugo Chávez*. Buenos Aires: Editorial Biblos. 173.

Navarro M. (1982). *Evita's Charismatic Leadership*. Conniff M. (ed.). *Latin American Populism in Comparative Perspective*. Albuquerque: University of New Mexico Press. 126-138.

Niekerk van A.E. (1974). *Populism and Political Development in Latin America*. Rotterdam: Universitaire Pers Rotterdam. 230.

Ortega y Gasset J. (1996). *La rebelión de las masas*. Santiago de Chile. 287.

Pion-Berlin D. (ed). (2001). *Civil-Military relations in Latin America: new analytical perspective*. Chapel Hill: University of North Carolina Press. 320.

Ratnam K. J. (1964). Charisma and political leadership. *Political Studies*, 12 (3). 341-354. DOI: 10.1111/j.1467-9248.1964.tb00732.x

Rico J. M. (1998). *Crimen y justicia en América Latina*. México: Siglo XXI Editores. 317.

Semenov S.I. (1999). Mutations of the left political culture in the civilizational context of Latin America. *Analytical notebooks of the Institute of Latin America of the Russian Academy of Sciences. Issue 6*. Moskva: ILA RAN. 96.

Weber M. (1990). Politics as Vocation. *Selected works*. Moskva: Progress. 643-706.

Wiarda H., MacLeish Mott M. (2003). *Politics and social change in Latin Ameri-*

ca: still a distinct tradition? London: Praeger. 309.

Willner A. (1984). *The Spellbinders: Charismatic Political Leadership*. New Heaven: Yale University Press. 212.

Willner A., Willner D. (1965). The Rise and Role of Charismatic Leaders. *The Annals of American Academy of Political Science*, (358). 77-88. DOI:10.1177/000271626535800109

Информация об авторах

Александр Владимирович Корольков, кандидат исторических наук, АО «Российские космические системы»

111020, Российская Федерация, Москва, Авиамоторная ул., 51
korolkov_av@spacecorp.ru

Татьяна Юрьевна Русакова, кандидат политических наук, научный сотрудник, Ассоциация независимых экспертов «Центр изучения кризисного общества»

107078, Российская Федерация, Москва, Докучаев пер., 4
rusakova@centero.ru

About the Authors

Alexander V. Korolkov, Cand. Sci. (History), Joint Stock Company “Russian Space Systems”

51, ul. Aviomotornaya, Moscow, Russian Federation, 111020
korolkov_av@spacecorp.ru

Tatiana Yu. Rusakova, Cand. Sci. (Pol.), Research fellow, Association of Independent Experts “Center for Crisis Society Studies”

4, per. Dokuchaev, Moscow, Russian Federation, 107078
rusakova@centero.ru